

Илья Каминский

Город тишины

Перевод с английского Елены Андрейчиковой

1.

1982 год. Я катаюсь по одесским переулкам на зеленом велосипеде. Ночью велосипед висит на балконе. Мама называет его моим конем.

Мне пять лет, я еще не осознаю, что я глухой. Отец пытается научить меня жестам, и это меня раздражает.

– Расскажи, папа, сказку.

Нет ответа. Делаю два шага навстречу.

– Папа, давай сказку!

Нет ответа. Я подхожу ближе.

– Ты слышишь? Будет сказка?

Его губы открываются.

– В четвертый раз – вот что произошло.

*

Посреди летней ночи 1937-го года в тихом переулке провинциального украинского города происходит нечто чудесное.

Люди в форме арестовывают человека, которого они называют «врагом народа». А потом? А потом приходят за женой. Проходят мимо нее на кухню, как голодные волки. Хотят обнюхать печку. Чтобы понять, не сожгла ли она какие-то бумаги в ней.

Печка холодная.

Они перебирают одежду в шкафу и берут лучшее для своих семей. Спешат все взять до того, как придут другие чекисты.

И только после ее арестовывают.

Они так заняты сбором одежды, что не замечают в квартире младенца.

– Чтобы спасти себя, вы должны предать своего мужа, – говорит ей следователь.

– Как я могу предать отца моего ребенка?

Она не знает, что ее мужа уже расстреляли.

Середина летней ночи 1937-го года, в честь всесоюзных выборов развеваются флаги. Женщину на десять лет отправляют в Сибирь.

Ее уводят, а в квартире остается ребенок.

*

В ту ночь 1937-го года происходят самые необычные вещи. Кто-то танцует у соседей. Кто-то делает вид, что не слышит, как солдаты тащат по лестнице женщину в свой фургон. Кто-то заклеивает наглухо окна.

Флаги развеваются по всей стране в честь всесоюзных выборов.

Середина ночи.

Затихает плач младенца, семью которого уволокли.

Впервые за короткую жизнь младенца случается удача: его крадут.

Соседи захлопывают окна.

Пальцы отца на моей ладони отстукивают ритм поезда, громящего по железнодорожному пути и въезжающего в Одессу. Он везет украденного ребенка.

*

В Одессе живут Шура и Наталья.

Больше всего на свете Шура хочет иметь ребенка. Но Наталья больше не может рожать детей.

Неделя всесоюзных выборов.

Губы моего отца замирают.

Рассказ продолжается, но я улавливаю только этот фрагмент. Фрагментом была старушка, Варвара Каминская, укравшая ребенка. То, что следует дальше, по словам отца, – начало счастливой жизни.

В дверь звонят.

Наталья открывает – на лестнице нет никого, кроме младенца. Шаги внизу эхом – старая Варвара ковыляет прочь. День всесоюзных выборов.

Иосиф Сталин выступает с речью в Большом театре в Москве перед толпой, приветствующей стоя:

– Товарищи, честно говоря, я не собирался произносить эту речь. Но меня, так сказать, силой притащили к микрофону. Меня выдвинули кандидатом в Сталинский район. Это, товарищи, является показателем полного доверия. Обещаю вам, товарищи, вы можете положиться на товарища Сталина [аплодисменты]. Рабочий класс [аплодисменты], крестьянство [аплодисменты] и интеллигенция [аплодисменты] могут рассчитывать на товарища Сталина. Эти выборы, товарищи [аплодисменты], – это не просто выборы [аплодисменты], это праздник наших трудящихся [аплодисменты]. Никогда в мировой истории не было таких свободных выборов [аплодисменты].

Тишина окутывает театр, а толпа аплодирует, аплодирует. Где-то на другом конце страны в такой же тишине чекисты тащат мертвое тело моего деда. Их коллеги бросают мою бабушку в поезд в Сибирь.

Наталья открывает дверь, вздыхает и берет подкидыша.

2.

Когда я возвращаюсь в Украину, я выключаю слуховой аппарат.

Мне кажется, что я вижу звуки. Шипение. Свист. Звук ключей в замках. Звук льющейся по трубам воды двумя этажами выше.

Глухой ребенок видит все.

Однажды мой отец был подкидышем, которого привезли в этот город на поезде. Он часто повторяет свои рассказы. Я наблюдаю за ним – именно так я учусь читать по губам. Спустя несколько десятилетий я выключаю слуховой аппарат и снова становлюсь тем ребенком.

Отец рассказывает мне, как узнал, что Варвара Каминская была его бабушкой.

Тишина, как крыса, запертая в комнате.

Да, были другие детки. Их забрали. Елена и Владимир. Варвара не пришла вовремя.

Тишина, как крыса, запертая в комнате, – она бросается на стены, но не может выбраться.

*

Я смотрю на движущиеся губы отца. 1941 год. Война всегда пробирается в его истории. 1941 год. Шура всегда идет в армию. Одессу все время бомбят. Кто-то кричит:

– Беги на кладбище! Они не будут бомбить кладбище!

Наталья бежит. Мужчина кричит:

– Девушка, снимай платье!

Наталья не понимает.

Самолет бомбит улицу. Она бежит в красном платье. Другой мужчина орет:

– Платье, сними его!

Она не понимает. Качает головой.

– Ты как зажженная лампа для них в самолетах, разве ты не видишь? Сними платье!

Губы отца размыкаются. Я слушаю глазами.

В начале войны отец очень худенький. Наталья носит его в торбочке, как маленький арбузик. Германия вторгается в СССР, город за городом падает. Сталин молчит. Больше недели, молчит. Никто не знает, где он. Затем его голос по радио:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Я обращаюсь к вам, друзья мои! Вся наша доблестная армия, весь наш доблестный флот, все наши соколы в воздухе, все народы нашей страны, все лучшие мужчины и женщины Европы, Америки и Азии, сочувствующие советскому правительству, одобряют политику советского правительства. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны сражаться до последней капли крови!

Через дорогу в снегу плачет старушка:

– Домик, не гори. Не гори, домик.

Губы отца полураскрыты. Он говорит моей тишине?

*

Слышащие думают, что молчание наступает, когда они перестают говорить.

Разве они не видят?

Все говорит.

Цветочные горшки. Машины. Собаки. Обувь. Уличные фонари. Комары. Губы двигаются. Молчание говорит.

Вот почему я наблюдаю за ним.

*

В рассказах моего отца всегда 1941 год. Во дворе Наталья склоняется над бельем. Жена соседа шепчет ей:

– Бегите.

Муж женщины угрожал сказать солдатам, что в этом доме есть еврейский мальчик.

– Он хочет твою квартиру. Бегите.

Наталья опрокидывает на себя горячую воду для стирки. Хватает спящего мальчика.

– Бежим!

На следующее утро они ищут еду на улицах.

Там же бродят и другие мамы с детьми. Некоторые, чтобы согреться, держат за пазухой кошек или собак.

*

Как выглядит оккупированный город в 1941-м году? Одесса всегда притворяется веселой, говорят губы отца.

Но вокруг домов белье висит очень близко к окнам, как будто матери пытаются защитить своих мальчиков от войны.

Они вешают на веревках все, что у них есть: носки, кухонные полотенца, пижамы.

И по городу очереди людей.

Очереди за молоком? Возможно. А может быть, это женщины, стоящие в очереди за миром, – а мир все не наступает.

Но однажды наступит.

*

Я возвращаюсь в Одессу через двадцать лет. Человек, который гуляет по городу, где все, кого он любит, мертвы. Я смотрю на мое шагающее тело.

Есть ли здесь тишина?

– Нет?

Тишина разоблачает этот город.

*

Отец садится на стул. Губы приоткрыты. Я вижу голос. Одесса освобождена, дети бегут к советским солдатам.

– Отец!

Обнимают каждого незнакомца.

– Отец!

Шура возвращается. Наталья празднует.

Одноклассники мальчика толпятся вокруг его квартиры.

Все они потеряли отцов на войне. Стоят на цыпочках. Мальчики и девочки заглядывают в окна.

Шура первый отец на улице, который вернулся живым.

Холодный апрель. В школе нет отопления. 1945-й, мой отец, маленький мальчик, скользит по льду, в классе, между партами.

*

Весной 2018-го года происходит самая необычная вещь: я возвращаюсь в этот город через двадцать лет, и здесь никого нет.

Я просто стою перед окном нашей квартиры. Молчание, как паук, мерцает в своей паутине.

*

В ночь на выборах 1946-го года Сталин произносит речь:

– Товарищи! Война была не только проклятием. Это была еще и школа [аплодисменты]. Страна произвела 15 000 000 тонн чугуна; 18 300 000 тонн стали; 166 000 000 тонн угля; 31 000 000 тонн нефти; 38 300 000 тонн товарного зерна; 2 700 000 тонн хлопка-сырца. [Продолжительные аплодисменты. Кто-то кричит:] Под руководством товарища Сталина! [Все встают. Громкие и продолжительные аплодисменты, перерастающие в овации. Крики:] Да здравствует великий Сталин, ура! Приветствую великого лидера народов! Слава великому Сталину! Да здравствует товарищ Сталин, кандидат от всего народа!

Снег падает на крышу Большого театра, а за тысячи миль – Одесса, переполненная инвалидами войны: люди без ног, выброшенные из военных госпиталей, передвигаются на квадратных деревянных платформах с прикрепленными к ним маленькими колесиками.

Эти безногие мужчины застревают на булыжниках мостовых.

Вскоре их бросают в грузовики, и все, что остается, это колесики от их платформ, с которыми играют детки на мостовых, а потом ничего.

Безногих солдат бросают в трех километрах от города.
Газеты хвалят чистые городские улицы. Одесса радуется.

*

Самое необычное дело: я ребенок, пытающийся читать по губам. Отец учит меня, рассказывая истории. Я вижу фрагменты. Искры.

А тишина? Дрожит по всему городу, как стирка на веревках.

Самое необычное дело: в советской России женщина возвращается из тюрьмы.

1948 год.

Родная мама моего отца Юлия сейчас гуляет по улицам Одессы. Она вернулась из Сибири в черноморский город, где у нее нет прописки. Избегает смотреть в глаза прохожим. Юля покупает яблоки на рынке там же, где их покупают жены чекистов. Она читает те же самые утренние газеты.

Самое необычное дело: вернувшись из лагеря, Юлия разговаривает с тополями, собаками, скамейками в парке, тележками:

– Как дела сегодня утром? – обращается она к тележке, садясь. Двери она шепчет: – Сегодня ты широко откроешься.

Она говорит мясу на плите:

– Будьте добры, не варитесь слишком быстро.

Она не сумасшедшая. Она научилась разговаривать с предметами в лагерях. Чтобы сделать их своими друзьями. Предметы могут слышать все.

*

Самое необычное дело: пятидесятилетний мужчина пытается научить своего сына языку жестов.

Я наблюдаю за движениями отцовских рук в воздухе: он хочет создать рассказ жестами, которых я не понимаю.

Как будто его пальцы говорят на языке нищих, рука, похожая на швею, стачивает воздух в огромную рубашку.

*

– Твоя мама Юлия нуждается в тебе, милый, – говорит Шура, его приемный отец.

– У меня есть наш папа, а у твоей мамы Юлии нет никого. Ты ей нужен, милый... – шепчет Наталья, его приемная мать.

Той ночью он просыпается. Ему девять лет.

Наталья рыдает в руках Шуры: «Мы потеряли его, нашего мальчика».

Руки моего отца летают в воздухе.

Фрагмент. Одесса. Дождь. Фрагмент. Больше ничего.

И все же я вижу это, этот рассказ. Как будто я прорываюсь сквозь кожу слов. Где-то в этом городе я все еще ребенок, мой отец все еще рассказывает. Губы приоткрыты.

Самая необычная вещь: мальчик показывает своей осужденной матери улицы Одессы. Солнечный свет, буйство акации.

Юля покупает ему клубничное мороженое.

«Зови меня мамой», – просит она.

«Зови меня мамой».

*

Губы отца открыты. 1949 год. Советский Союз взрывает свою первую атомную бомбу. В Одессе начинают перестраивать железнодорожный вокзал. Юля снимает комнату на чердаке, и мальчик живет там с ней. «Я пахну, как осужденные», – смеется Юля.

Он приносит домой кошку. Юля поет ему колыбельные, которые она выучила в сибирских лагерях.

Самое необычное дело: они навещают Наталью и Шуру раз в неделю. Он заглядывает в дверь.

– Иди играть, милый. Иди поиграй с другими детьми, малыш.

Юля и Наташа обнимаются и плачут. За кухонным столом сидят две пожилые женщины.

Он бежит к Наталье, целует ее.

– Не плачь, мама.

*

Необычное дело случается в 1994-м году: все эти люди, которых я не знаю, собираются на похоронах моего отца. Они – товарищи по эмиграции. Смотрят с любопытством – их первые похороны в Америке.

Я не могу не вспоминать это.

Их лица все еще в моей голове по прошествии двадцати пяти лет. Я не могу этого вынести: это растрепанное белье их высохших фамилий. Как мы стоим на краю кладбища, кучка чужаков. Гробовщик говорит что-то по-английски, никто из нас не понимает. Потом раввин поет на иврите, я не понимаю. Я семнадцатилетний мальчик, стоящий в кучке жучков, в кучке потерянных людей. Я смотрю, как утро своим сухим язычком лижет нас.

*

Я – мальчик, никогда не изучивший язык жестов, которому отец пытается и пытается меня научить.

Когда Юлия умирает, соседи зовут его. Он моет ее тело. Одевает ее. Она в открытом гробу. Руки моют тело матери. Руки пытаются научить сына языку. Все происходит в настоящем времени.

Самая обычная вещь: мужчина возвращается домой. Зачем я здесь? Как я могу разрезать кожу времени с помощью этих нескольких разбросанных фрагментов?

Я не во времени. Я в Одессе.

3.

Утро 1982 года, я – глухой мальчик, чей зеленый велосипед едет на полной скорости на кричащих старушек не потому, что я озорник, а потому, что у меня нет чувства равновесия. Глухой ребенок не знает, что он глухой.

– Идиот! – восклицает женщина.

– Вы видели, как этот маленький идиот во всех врзается? Чей он сын?

Другая женщина поворачивается:

– Этот? Мой!

*

Я глухой. Все спрашивают о тишине. Что такое тишина?

Вот как человек начинает слышать: ухо формируется на двадцать восьмой день беременности в утробе матери.

На седьмом месяце человеческое ухо полностью распознает и слышит звуки.

Самое обычное утро 1984-го года: мне семь лет. Я вижу, как два мальчика крутятся возле пьяного, спящего на снегу. Они наклоняются, чтобы украсть его ботинки.

Из ниоткуда появляется моя мать и бежит за ними, мальчики делают вид, что позволяют ей поймать их. Но снова убегают.

Я еду за ними на велосипеде. Мой велосипед наклоняется в сторону и падает. Я поднимаю его, а он снова падает. Я поднимаю, а он падает. Мальчики исчезают, вместе с ботинками.

Мама едет на велосипеде, а я сижу за ней.

Или, может быть, это 1985 год: тоже утро, самое обычное. Или 2018 год: в моей голове все происходит в настоящем, одесском времени. А движение стрелок часов – то не время.

*

Мама всегда отказывается возвращаться в Одессу после нашего отъезда.

Какой смысл? Она машет здоровой рукой перед моим лицом.

Я молчу.

Мама болеет, лежит в постели в Калифорнии. Тишина, как пятно, проталкивается сквозь обои.

Интересно, что скажет мама, если узнает, что я вернулся в Одессу.

Она просит воды.

– Не хочу воды, – говорит она. Отворачивается. Поворачивается вновь. – Может быть, дай мне чуть-чуть.

– Твой отец, – она смотрит на меня. – Он так сильно меня любил...

Она лежит, парализованная, на своей кровати, улыбается. Ее единственная здоровая рука касается моей щеки. Затем двумя пальцами она касается своих губ, посылает воздушный поцелуй.

– До свидания, морячок-красавчик.

Она продолжает рассказывать мне, как мой отец ухаживал за ней.

Он целовал ее руку в течение многих недель. Ему было сорок, но он стеснялся делать что-то большее.

– Дорогой мальчик, не беспокойся обо мне. Не беспокойся обо мне. Я посплю, хорошо? Ты во мне больше не нуждаешься, ты теперь взрослый мужчина. Мой маленький глухой мальчик.

Она знает, как тяжело мне улыбаться, когда я вижу ее такой. Она улыбается в ответ.

– Там нет тишины, – говорю я ей.

– Правда? – она улыбается. Я смотрю на увеличившиеся губы матери. Она закрывает их ладонью.

Тишина. Я понимаю.

Я живу в другом городе. Несколько дней до моего приезда она тщательно готовится.

Она делает прическу. Маникюр. Я беру ее на прогулку в инвалидной коляске.

Она крепко прижимает мою руку единственной рукой, которая у нее есть, шепчет:

– Маленький дурачок. Я так сильно люблю тебя, мой маленький дурачок.

Вдруг мама внезапно замирает и голосом девочки спрашивает:

– Мой мальчик, почему это происходит со мной: почему я так больна?

Неожиданный вопрос: мама хочет знать, почему я никогда не изучал язык жестов, которому меня учил отец. Вспоминая эти уроки, она смеется.

Такие вот партнеры по танго – отец и я.

Она счастлива, когда я говорю ей, что иногда во сне (или так шепчет ей моя жена) я поднимаю руки и показываю жесты.

Прежде чем умереть, она требует узнать, какие книги я хочу прочесть с нетерпением в следующем году. Она просит меня прочитать что-то вслух. А потом она лежит в гробу. Она одета в желтый пиджак, который слишком велик для нее. Гроб не помещается в яме. Гробовщики пытаются и так, и сяк. Поднимают его, опускают обратно. Толпа наблюдает.

Это последнее оскорбление для нее, что я вижу это? Или это последний урок она дает мне – отказ уйти в землю?

*

Самое обычное утро 2018-го года: Одесса. Солнечные лучи. Мама и папа: вы мертвы. Все, кто знает вас в этом городе, тоже мертвы.

Этот город, моя машина времени.
Самое обычное дело: мужчина возвращается домой.

*

Мимолетное воспоминание: на протяжении всего моего детства отец называет ее (как и я) Мать. Я немного удивлен, когда он называет ее по имени: Элла.

Оставляю машину на пустой стоянке и кричу. Меня никто не слышит, это начало 2018-го года, я не слышу себя. Я кричу, а машина дрожит.

Еще одно мимолетное воспоминание: я молодой мальчик, делающий домашнее задание, и она ходит на цыпочках, принося маленькую тарелку с нарезанной клубникой в сахаре.

После того как она умирает, я убираю ее квартиру, нахожу кучу недавно купленных книг, книг, которые я ей сказал, что хочу прочитать в 2018-м году.

Последний взмах ее руки. «До свидания, морячок-красавчик».

*

Как я изучаю английский?

Во-первых, это смерть. Отец умер в 1994 году, менее чем через год после нашего приезда в Соединенные Штаты. Я сразу понимаю, что не могу написать о его смерти на русском языке.

Как сказал один автор о своем умершем отце: «Эх, не стань просто строчкой прекрасной поэзии!». Я выбираю английский в 1994 году, потому что никто в моей семье не знает его в 1994 году – никто, с кем я разговариваю дома. Никто не может прочитать, что я пишу. Я сам не знаю его толком, этот английский.

Это параллельная реальность, странная чарующая свобода.

*

Тротуар, на твоих плечах я стою.

В Одессе идет дождь, холодный дождь, улица пуста. Я иду без зонта, и моя душа свободна.

Мама никогда больше не возвращается в этот город. Я приезжаю сюда без нее и перехожу тротуар вот этими, своими ногами.

*

Их романтика – центр моего детства. Отец звонит маме, чтобы позвать на свидание в середине рабочего дня.

Телефон звонит пять раз. Затем на другом конце тишина.

Звонит четыре. Опять тишина.

Это их код. Через пятнадцать минут он у двери в ее офис с небольшим пакетом с земляникой и розой.

С моего велосипеда я вижу, как она откидывается назад, а он кладет клубнику ей в рот.

Я смотрю, как они выходят из ее бухгалтерии на улицу. Их плечи соприкасаются.

Им за пятьдесят, мои родители.

Страна находится всего в нескольких месяцах от коллапса, вокруг них, но папа и мама ходят за клубничным мороженым.

*

Где-то в этом городе я иду по 2018-му году. Я счастлив в этом городе, потому что я могу умереть здесь в любой момент, зная, что моя смерть заберет только меня. Город будет таким же, каким он был без меня последние двадцать пять лет. Я потеряю все, и ничего.

*

Мы видим, что в 1994-м году остались одни в чужой стране мама и я. Она вдова, ей около пятидесяти, с глухим мальчиком. Похороны я не хочу вспоминать. Похороны беженцев. Мы в Америке. Ее злой сухой смех. Ее обвинения, адресованные никому, как ставни, стучащие по цементным стенам.

*

Где-то в Одессе я пишу это по-английски, потому что когда мы впервые приехали в Америку, у меня ничего не было. Все, что я мог дать своей матери, были слова.

На протяжении всего моего детства отец называет ее – как и я – Мать. Я мог бы сказать вам слово для матери по-английски. Но я предпочитаю не делать этого.

Я в Одессе, но мама никогда не возвращалась в Одессу. Я принимаю ее отказ, написав это на английском. Я застегиваю рубашку на все пуговицы и живу.

Но подождем минуточку.

Сначала надо вспомнить то самое обычное утро в январе 1993-го года: мама удивляет нас требованием, чтобы папа снова сделал ей предложение. Слишком много политики. Она не может этого вынести. Она хочет свадьбу. Прежде чем они покинут Одессу навсегда. Их лучшие друзья спорят о стульях и цыплятах на небольшой импровизированной церемонии.

Это грандиозное событие.

Родители меня берут в ателье, где мама примеряет свадебное платье. Невеста выходит немного испуганной, но смеется, когда мы с отцом вскакиваем на ноги и хлопаем в ладоши.

Как они целуются!

Им по пятьдесят, но поцелуи такие, как будто они только что научились целоваться. Десять минут. Одиннадцать минут. Они не останавливаются. Я теряю терпение.

Эти два старика целуются на земле в последний раз.

На подоконнике воробьи слетаются на сухари, которые я им кидаю. Но портной терпелив. Воробьи, эти пролетарские птицы, клюют свои лапки на подоконнике. Теперь влетает голубь, похожий на толстого маленького профессора, и летит прямо под платье матери.

Именно тогда портной хлопает в ладоши: «Да, дети, пора работать!».

*

Где-то в этом городе я в 2018-м году: обычное утро. Гигантская голова Толстого все еще смотрит на меня со своего поста-мента. Вокруг него двадцать лет спустя троллейбус № 2 все еще делает круг и приходит на станцию.

Почему я здесь?

Я застегиваю рубашку перед этим вопросом.

Я за пределами здания на улице Дегтярной, дом № 33, где когда-то жила моя семья, где они были счастливы.

Мы наконец одни, ты и я, тишина. Я вижу тебя.